

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ

ГИЛЬЗА
В АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ
ПЕТЛИЦЕ

РОМАН-КВЕСТ

Гибридные войны. Роман-квест

Александр Афанасьев

Гильза в петлице

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Афанасьев А. Н.

Гильза в петлице / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2016 — (Гибридные войны. Роман-квест)

ISBN 978-5-699-86574-1

Тайный агент ГРУ Ален Фери, посланный в Париж, готовит операцию по ликвидации главаря банды исламистов. Разведчик вычисляет машину террориста, но... попадает под перекрестный огонь французских полицейских, которые проводят свою операцию. Чудовищный взрыв «грязной» бомбы вмиг ломает планы всех противоборствующих сторон. Вектор поиска спецслужб радикально разворачивается. Теперь следует найти и уничтожить некоего физика по имени Гор, который использует отходы ядерного топлива из Чернобыльской АЭС для производства «грязных» бомб и продает их террористам...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86574-1

© Афанасьев А. Н., 2016
© Эксмо, 2016

Александр Афанасьев

Гильза в петлице

© Афанасьев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

*Будто всё, что мы так любили, давно исчезло,
И остались только сказанные слова.
Будто бог меня задумывал из железа,
А внутри зачем-то высохшая трава...*

«Сплин»

Днепропетровская область
Ноль – близ границы ДМЗ
20 мая 2021 года

– Ты в этой форме – умора просто.

Ну, в общем-то – зерно истины в этом утверждении есть. Есть, есть. Дело в том, что норвежский камуфляж – нам достать было неоткуда, и мы вынуждены были купить норвежскую военную форму на Алибабе. Там все что угодно продают, в том числе и военную форму различных рисунков камуфляжей – для страйкболистов. Форма оказалась очень неудобной, клеенчатой, почти как новая украинская форма, которую невозможно носить. Тело в ней не дышит и появляется раздражение. Чтобы было немного получше, я надел под форму чистый хлопковый комплект Нукусской фабрики в Узбекистане – но это помогло мало, я был весь в поту. И постоянно хотелось почесаться. К тому же китайцы что-то напутали с размерами, и форма маломерила как минимум на размер. Это – вдобавок ко всему прочему.

Но если хочешь походить на норвежских телохранителей, прикомандированных к силам ООН, изволь соответствовать. Дело в том, что каждое армейское подразделение, прибывая в зону конфликта в качестве миротворческих сил, оставляет свою униформу и свое снаряжение, получая от ООН только белый бронежилет и белый шлем. Бронежилет, кстати, я посмотрел – оказался грузинского производства. Еще непонятно, как там с качеством...

Мы находились на одном из временных постов, на самой границе ДМЗ. Границе с той стороны – с украинской. Помимо аутентичной формы, которая выдержит не слишком придирчивую проверку, оружие у нас тоже аутентичное. Основные винтовки – НК416, это стандартные винтовки норвежских вооруженных сил. Снайпер – то есть я – вооружен винтовкой НК417 с глушителем, а пулеметчик – пулеметом FN MAG. Кроме того, у нас есть два автомобиля Iveco LMV, перекрашенных в белый, ооновский цвет. Их в свое время решил закупать министр-мебельщик, собрали сколько – то под названием «Рысь», а теперь они без запчастей стоят. Санкции. Холодная война, однако...

Автомобили при отходе нам разрешалось бросить. Цель, за которой мы охотились, оправдывала такие потери материальных ресурсов...

Несколькими часами ранее

– Это он?

Хороший вопрос. Супер просто. Я пытался рассмотреть нашего контактера в термооптический прицел и не мог. Рассмотрел только вспышки – как и положено, две. Человек стоял рядом со старым ижевским «пирожком». Дело происходило в районе «нуля» – так называется граница зоны боевых действий, где перестают действовать гражданские законы и начинают действовать законы военные.

- Один человек у машины. Оpozнался – две короткие вспышки.
- Держи их под прицелом. Группа один идет вперед. Внимание всем...

Тяжелый белый внедорожник остановился посередине дороги, не гася фар, – просто потому, что он и не включал фары. Два человека выбрались из него и осторожно пошли по направлению к старому, но еще ходкому пикапу. И стоящему около него человеку, который нервно курил...

- Тарас?
- Ага. Слава Украине.
- Героям слава. Все норм?
- Норм.

Конечно, Тарасу – как и его контактерам, относящимся к спецназу ДНР, – было плевать на Украину. Украина для них была даже не мачехой – она была для них убийцей, навсегда разрушившей надежды на нормальную жизнь, сделавшей жен – вдовами, детей – сиротами, мужиков – безработными, а то и калекami. Но слова «Слава Украине», с одной стороны, были сигналом того, что агент не находится под контролем, а с другой – если придет кто-то другой, эти слова будут небольшим, но камешком на часу весов. Тот, кто начинает со слов «Слава Украине» и кто автоматом отвечает «Героям слава», – свой.

Контактер подошел поближе. Он был в шлеме, на котором был прикреплен легкий монокуляр ночного видения.

- Что скажешь?
- Караван идет завтра. С утра.

Точное время никто не требовал, да и как определить его – точное то время. Караван через ДМЗ – дело такое: не знаешь, сколько будешь в дороге и доедешь ли вообще. Но и прибыль – такая, что покрывает все издержки...

Эта война была грязной с самого начала. Она грязно началась, грязно велась и не менее грязно закончилась – если ту грязь, что есть сейчас, можно назвать миром. Война без войны. Крым ушел, и все украинцы понимали, почему он ушел и что он ушел навсегда – но мелочная тупая селюковая злоба по этому поводу не даваладохнуть. При этом украинцы ездили отдыхать в Крым, даже выезжая через Харьков и давая большой крюк через всю южную Россию, туда же сбывали свои дешевые продукты, к которым привыкли крымчане. Понятное дело – Крым теперь Россия и там деньги на покушать есть, а у собственных граждан, украинцев, – нет. Везли туда, как погранпереход – так длинная, в несколько километров, цепочка фур. Если раньше меккой контрабанды были Львов, Закарпатье, Одесса – то теперь погранцы и таможенники давали огромные взятки, чтобы назначиться на крымскую переправу. А Донбасс... А что Донбасс. Донбасс был неотъемлемой частью Украины в том смысле, что шахты Донбасса, металлургические заводы Днепропетровска и ГРЭС на Украине строились как единый народнохозяйственный комплекс. ГРЭС ведь строится под какой-то конкретный тип угля, и на Украине большая часть ГРЭС была построена под донецкий уголек, для переоборудования на другой сорт угля требовалась дорогостоящая модернизация. Вот и приходилось Украине, сцепя зубы, покупать уголь у своих врагов – дончан, при том что смертельными врагами дончан сделала Украина, бросив на них армию, вместо того чтобы просто поговорить, по-человечески поговорить. Угольная мафия процветала и с той и с другой стороны, еще до войны все государственные шахты почему-то оказывались нерентабельными, но при этом частные шахты

все работали и часто их владельцы были миллионерами, а то и миллиардерами. Как, например, донецкий прокурор Васильев – вероятно, первый и единственный в мире прокурор – миллиардер. Угольная мафия – огромное, устойчивое криминальное сообщество, сложившееся в Украине еще до войны и стабильно получавшее огромные деньги сразу из двух источников – из бюджетных дотаций на «нерентабельные шахты» и, собственно, от добычи самого угля, в том числе и легализации нелегального, из так называемых «копанок». Нелегальные сделки с углем покрывались на самом высоком уровне, и получали от них все, от командира воинской части, которая контролирует участок фронта, по которому проходит железная дорога, – и до людей в Генеральном штабе в Киеве. Ну и солдатам, которые должны охранять станцию, – покормят да водки нальют, тем более что родное их отечество, за которое они жизнями рискуют, кормит плохо и нечасто. Попытки прервать угольный поток закончились сразу несколькими громкими отставками и политическими убийствами. Уголь гоняли как по железной дороге, так и караванами из грузовиков – самосвалов. Но это было не единственное «кормное место» в ДМЗ.

Луганский ликеро-водочный завод Луга-Нова. Один из крупнейших ликеро-водочных заводов Украины, с богатым собственным ассортиментом – до войны. Сейчас – главное было не это. В стоимости спиртного и сигарет большую часть составляют акцизы и налоги. Если разливать без акцизов и налогов – то прибыли сопоставимы с прибылями от реализации наркотиков. Вот и развился на этом бизнес – транспорты со стеклотарой заходят в Зону, а обратно эти же машины выходят с готовой продукцией, которую реализуют по всей Украине, везут в Беларусь, в Польшу, даже в Россию толкать пытаются. Водочные караваны передают с рук на руки сотрудники СБУ, это их заработок. Прибыль – миллиарды и терять ее никто не хочет.

Вот один из водочных караванов мы и собираемся брать. Точнее – не сам караван, а того сотрудника СБУ, который его сопровождает. Сотрудник Днепропетровского управления СБУ в звании подполковника – и, по нашим данным, он может очень много интересного порассказать. Такого, что завей горе веревочкой.

Операция «Транзит» началась с того, что мы вломились в сеть и от имени контрагента по контрабандным операциям, сидящего сейчас в Ростове – заявили, что подозреваем днепропетровских контрагентов в утаивании части прибыли от контрабандного канала. Самого контрагента – кстати, в звании полковника, геройски сражавшегося во время войны, – взяли сотрудники контрразведки. Что с ним потом будет – это уже нас не интересует. Главное – выманить на стрелку кого-то серьезного, не шестерку – а босса. И взять его целым и невредимым...

– Сколько фур?

– Двенадцать... пятнадцать... по-разному бывает.

– Сопровождение?

– Один-два БТР. Рыл двадцать охраны.

– Точно не больше?

– Канал отработанный, зачем...

План сработал – второй этап его заключался в том, что означенный тип в звании подполковника СБУ вынужден был идти сам с караваном пустой тары и договариваться в Донецке. Сейчас он пойдет обратно.

Почему мы берем его не там, в Донецке, а здесь, на самой границе? Потому что в Донецке по нам откроют огонь свои же. Там – мафия, конкретная мафия. Со своими понятиями, своими источниками заработка. И наступить им на хвост – означает вызвать войну на самом Донбассе, войну своих со своими. Стрелять они начнут, это сто процентов. Понятно, что никто, кроме обитателей Киева и Днепропетровска, этому не порадуется...

– Опиши цель.

– «Ниссан Патрол», черный, старой модели. Он предположительно на заднем сиденье, я видел, как он воду покупал.

– Лично его видел?

- Да. Он в магазин выходил.
- Еще что-то?
- Нет, больше ничего.
- Хорошо, пошли.
- Куда?
- Куда... с нами.
- Э... вы чо?
- А откуда мы знаем, может, ты в СБУ позвонишь, как только мы отъедем.
- Да хотел бы – позвонил бы!
- Чужая душа – потемки, сам знаешь, Тарас. Пошли. И нам так спокойнее, и тебе. Не шуми только...

Днепропетровская область

20 мая 2021 года

Продолжение

Это была уже украинская территория. Много заброшек, плящущихся на мир бельмами давно лишенных стекол окон, впереди по курсу – кафе. Из него долбит по ушам Тартак...

Дихає ліс,
Пташка на гіллі
Пісню співає, що тішить мій слух...
Я довго ріс —
Йшов через цілі,
Що тіло гартують і зміцнюють дух...
Тиха роса
Зіб'ється з трав
Криком «вперед!», дружним тупотом ніг...
Я тут знайшов
Те, що шукав
Славу здобув і себе переміг!
Мій лицарський хрест —
Моя нагорода
За те, що не впав, за те, що не втік!
Мій лицарський хрест —
Яскрава пригода,
Що буде тривати в мені цілий вік!
Мій лицарський хрест!..
Плинуть роки,
Їх заметілі
Скроні мої пофарбують у сніг.
Я, завдяки шрамам на тілі,
В пам'ять свою закарбую усіх
Друзів моїх
Та ворогів —
Кого любив і кого вбивав...
Може чогось
Я не зумів,
Та не згубив, не програв, не продав...

Мій лицарський хрест...

У кафешки, окна которой частично заложены мешками с песком, а перед ней выложена стенка из бетонных блоков – стоит «Хаммер», еще несколько машин – пикапы, внедорожники, в основном кустарно выкрашенные в некое подобие камуфляжа. Тут же рядом – небольшой магазинчик с примитивным набором товара. Над дверями вывеска.

Шинок.

Это – последняя точка перед Зоной. Здесь можно купить водки, или горилки, продуктов, которые точно чистые и ничем не отравленные. Потискать местных, сельских девчат, у которых никакой другой работы нет...

Хотя нет... Водка и горилка с перцем – это слишком шикарно для нынешней Украины. В ходу больше спотыкач – бавленный водой из-под крана контрабандный молдавский спирт. Бавят обычно пополам, чтобы не париться, иногда добавляют какие-то отдушки и красители для крепости – а то и димедрола еще добавляют от души. После первого стакана кишечник одвичных лыцарив, гордых потомков запорожских казаков, вытягивается и деревенеет, после второго – подкравшийся сзади домовой что есть мочи бьет по затылку пыльным мешком. После третьего – достигнувшее высшей степени нирваны чубатое панство вываливает из шинка на улицу искать кацапских шпионов...

Може чогось я не зумів...

Я полюбил в последнее время украинские песни и активно изучаю украинский язык. С этим я согласен действительно, на сто и один процент – потомки запорожцев, свидомые громадяне действительно «чогось не зуміли», превратив собственную страну в настоящий полигон Сатаны.

От нечего делать я перевел прицел немного правее. Серая от старости, в трещинах стена двухэтажного дома еще сталинской, наверное, постройки, на стене – надпись черным по-русски ЖОПА и рядом фашистский знак – свастика.

Вспомнилось горькое пророчество кого-то из украинских журналистов – из букв «Ж», «О» «П» и «А» не сложить слово «Счастье»...

– Общая – Барсук, Общая – Барсук, на дороге движение. РВП пять, РВП пять.

– Малой – всем моим, оружие к бою, оружие к бою.

Сам снял винтовку с предохранителя. Нравится ли мне НК417? Ну, нормально так. Если не считать цены. «Сайга» или «Вепрь-308» стоят ровно в семь раз дешевле, а делают ту же самую работу. Ну, может, чуть похуже по точности – но не в семь же раз...

Ладно, по минусам все. Надо готовиться.

Конвой появился ровно через пять минут, как и обещал Барсук. БТР впереди, на нем украинский прапор-биколор и украинские же тактические номера. Дальше – пыхтят фуры. Несколько штук. Не вижу сколько. Идет конвой тяжело.

– Граф, работаем...

Как и было оговорено – один из наших внедорожников выкатывается из проулка, перегораживая путь. В общем-то ничего необычного, стрелять сразу не будут. Говорят, что и некоторые ооновцы – тоже берут. И удивительного мало – им тоже кушать охота. Если положить к гнилым яблокам нормальные – сгниют и они.

БТР – прет на прорыв... но в последний момент останавливается...

– Гюрза – всем, кто видит цель, кто видит цель...

– Вот же... п...р.

– ...

– Гюрзе, Ворон вижу цель в середине колонны, в середине колонны. Серый внедорожник... прямо сейчас прохожу мимо него.

Умно. При нападении – ни одна банда не будет стрелять по фурам: там товар, который денег стоит. Лупить будут по головным и замыкающим.

– Ворону, Гюрза...

Краем глаза (нельзя все время пялиться в прицел) заметил, как у БТРа идет терка украинских военных с «типа ООНОм» – и в этот момент все начинает разваливаться...

Короткая, глухая очередь – и тут же еще одна, длиннее.

– Ворон, у нас двухсотый! Уходит!

Ах, ты...

Только успеваю перекинуть винтовку. У меня прицел – стоит на кроне Spuhg и под сорок пять градусов к обычному установлен маленький реддот Trjijson. Снова приложившись, я вижу, как из-за машин выскакивает «патрол» – он обошел колонну по остаткам тротуара и вот-вот уйдет. Стрелять в спину можно сколько угодно, тем более что те, кто ездят в Зону, обычно ставят за сиденьями лист брони от БТР. Все правильно – место засады проскакиваешь на скорости, и обычно стреляют тебе в спину – поэтому же, при движении на джипах, место основного огневого средства – пулемета – в багажнике. Немае базара, братан, все ты правильно сделал. Единственно, чего ты не учел, – это снайперской позиции в двухстах метрах дальше по улице.

Бью по водиле, на моих глазах бронированное стекло покрывается сеткой разводов, машина пытается уйти в сторону, но я веду ее через прицел и методично всаживаю в лобовое напротив водителя пулю за пулей. Наконец – лобовое проваливается внутрь, а машина теряет управление и, не снижая скорости, идет...

– Б... на нас идет!

Успеваю только распластаться на крыше – прежде чем как минимум трехтонный бронированный джип сносит остатки забора и врзается в дом, на котором засели мы. На какой-то момент мне кажется, что хата может начать складываться как картонный домик – но нет, при Сталине строили с изрядным запасом прочности. Бронеджип стоит, на две трети воткнувшись в дом, оставшаяся часть наполовину завалена каменной кладкой. Кто есть в машине живой – не видно ни черта...

– Крым, вниз!

У нас приготовлен маршрут эвакуации – веревочная лестница. Но она на той стороне здания, чтобы не дай бог не увидели с дороги – и пока мы до нее добираемся... Сваливаемся вниз, в заросли крапивы и лопухов и пока пытаемся понять, что дальше, – свистит пуля. Бросаемся в разные стороны и вниз, в заросли лопуха, который тут как после Чернобыля – в рост человека.

– Пистолет!

Да знаю.

– Проверь машину! Я за ним!

Преследовать кого-то в одиночку – последнее дело. Сам не поймешь, как нарвешься. Не успеешь просто понять...

Винтовку – долой, на спину. Глок – в руку, с ним намного проще, чем с этой дурой. Тропинка в лопухах, протоптана только что – кто-то бежал. Я думаю, это тот, кто нам нужен. По крайней мере, я на это надеюсь...

Через калитку – я вываливаюсь на дорогу – и тут снова свистит пуля. Но издалека. Я вижу человека в семидесяти метрах от меня. На соседней улице идет перестрелка – но за своих я спокоен. Они специализируются на отжиге военной техники у Вооруженных сил Украины. Вся армия ДНР строилась на том, что удалось выменять или отжать.

Бегу. Рывок с места после четырех часов неподвижности – не лучшее, что можно придумать. Кашляю, харкаю, но бегу.

Поворот. Если он решил рискнуть – залег где-нибудь за столбом метрах в десяти, то сейчас я словлю пулю.

Торможу и осторожно выглядываю. Нет, его в десяти метрах нет. Он там, дальше, – улица перекрыта бетонными блоками и там – машина, камуфлированный джип и какие-то отморозки с автоматами, то ли военные, то ли нет.

Самооборона! В Днепропетровской области существовала самооборона – они были зарегистрированы как ЧОП и фактически контролировали область. Сердцевиной самообороны, ее спецназом, был батальон Айдар, финансирувавшийся теперь местной олигархией. Не исключено, что и они где-то здесь.

Судя по всему – поразумелись. Нашли общий язык – после чего по мне ударили автоматы, а боевики бросились вперед.

Я снова перебрал в руки винтовку... упал первый, второй. Не знаю... может, их ввела в заблуждение ооновская форма, может, еще что – ответный огонь они открыли не сразу. Но открыли – и мне пришлось спасаться. Забор... Дверь оказалась открытой, и я ввалился во двор заросшего лопушней и крапивой низенького дома «на двух хозяев» пятидесятих годов постройки. Все, как и должно быть – вон, даже угольные ящики.

Пошел по зарослям как танк через полигон – мне надо было пробиться на ту сторону. Плетень между двумя огородами давно упал, я пинком вышиб дверь и вломился в темное, тесное помещение, живые из которого ушли как минимум год назад. Печка... рушничок, забытая мебель. Щелкающие по стенам пули – стекол давно не было, сняли...

Из крайнего окна было видно хорошо. Сменив магазин, я открыл беглый огонь, снимая стрелков противника одного за другим. Делать это было несложно – мощная, хорошо управляемая винтовка, удобный прицел и опыт – я с ней под тысячу на стрельбище настрелял при подготовке. И глушитель – не дает определить, откуда ведется огонь. Хлоп – один упал, хлоп – еще один. Хлоп – упал перемещающийся за бетонными блоками боевик с пулеметом... кажется.

В следующее мгновение – в меня попала пуля, и я полетел на пол...

Пришел в себя почти сразу. За окном – рык дизеля и стук отбойного молотка тридцатимиллиметровки, дохнуть – не продохнуть. Я сунул руку под защиту... сырого нет – скорее всего не пробила. Бронежилет спас.

Начал выползать – и на пороге столкнулся с Крымом, тот вскинул автомат.

– Свои...

– Цел?

– Ага.

– А чо ползаешь?

– Стреляли. Коробочка на улице.

– Это наша. Мы ее уже отжали...

Выбрались на дорогу. Впереди – догорали остатки украинской баррикады, разбитые огнем тридцатимиллиметровой пушки да вяло горел джип. Пыхтел мотором БТР4МС, последняя модель, такие только у Нацгвардии, да и то не у всей. Валялись трупы в униформе и без. Запомнился один, лежащий ближе всего – спортивные китайские штаны, с ног слетели тапочки, разгрузка и автомат. Вот на хрена ему надо было...

– С прикрытием вперед...

С броней, конечно, веселее. Мы двинулись вперед, броня прикроет нас – а мы прикроем ее от ракетчиков...

А вот на баррикаде пришлось на букву «х» – и не сказать, что хорошо. Как оказалось, эти бетонные блоки тут не просто лежат – тут в землю вбиты сваи, и они прикреплены к ним – долговременная баррикада. БТР ее не сковырнул, да мы и не перли буром – лучше, если

техника на ходу останется, чем сломать ее. Нам потом уходить надо – техникой расплатимся с Бармалеем за помощь. Да и... мало ли что на отходе будет – вон, весь город переворошили...

– Так, делимся на две группы, – скомандовал Барсук, стоя у пытящего мотором БТРа. – Одна идет пехом, вторая прикрывает броню, которая ищет обход. – Он посмотрел на меня.

– Цел?

– Ага.

– С кем идешь?

– С первой.

– Так, собрались. Вперед...

– Батя...

Пока отцы-командиры совещались – успели пошмонать трупы... правильно, и оружие и снаряга пригодятся, нам выходить еще, стволы продадим или Бармалею отдадим – даже обычный, сермяжный АКМ что-то стоит. Один из бойцов показывал пакетик, который он выудил из кармана одного из боевиков. Не большой и не маленький, с замком, в таких обычно провода прилагают к бытовой технике и всякую мелочь. В пакетике – тускло блестят кольца, сережки и прочее. Даже зубы, кажется, есть. На некоторых – кровь.

Сплюываю – чувствуя, как внутри сжимается пружина ненависти.

– Чо выбросить?

– Не... продадим... деньги беженцам отдадим. Забирай.

И правильно. Не время для славы и сантиментов... идет осатанелое рубливо... и все – впопору, нет ничего запретного. Просто помоги тем, кто рядом. Чем можешь. Вот и всё.

– Так, собрались и пошли!

Двинулись. В узком прогале между домами нас попытался тормознуть одинокий автоматчик – его снесли, даже не останавливаясь. Дальше – двор то ли школы, то ли ПТУ... забор из профнастила, оттуда – вылетает и плюхается граната...

– Граната!

Мы падаем, в обратку летят свои. Украинская граната не взрывается, а вот наши – взрываются и очень даже хорошо. Штурмовая группа идет вперед, с пулеметом на прикрытии, пулеметчик ложится и начинает простреливать футбольное поле...

– Вперед!

Под прикрытием пулемета, подавляющего огневые точки, бежим к школе. Я выдвигаюсь вместе со штурмовиками, хотя по уму надо было остаться на позиции пулемета, в штурмовой группе от снайпера толку как от козла молока. Просто пришло в голову, что зайду на крышу здания и поддержу огнем следующий бросок штурмовиков, которые смогут не останавливаться, и продолжу движение, не дожидаясь пулеметного расчета. Мы и так опаздываем...

Добегаем до школы.

– Помоги!

Крым встает у стены, руки в замок – я одной ногой на руки, другой на плечо – и уже наверху, там то ли пищеблок, то ли еще что – но в обе стороны помещения, как минимум на два этажа выше. Если предположить, что это школа советского типового проекта, то в одном – актовый зал и столовая, в другом – спортзал. Мне надо наверх – и там лестница.

Поднимаюсь по ней – и чуть не получаю пулю. Успеваю уйти... пули крошат кирпич прямо надо мной. Греб твою мать! Прямо по курсу – девятиэтажка, и с верхнего этажа – по нам открывает огонь ПК. ПК – это не ДШК, но и его хватит, чтобы полечь всем, как трава под косой на хрен. Сваливаюсь вниз... наверху – я даже лечь не успею. Надо попробовать его снять, сбоку... да, сбоку. Показываю Крыму – на месте, сам осторожно высовываюсь и с колена начинаю стрелять. Позиция – жесь, они обвалили ограждение балкона на девятом и укрепили позицию мешками с песком. Дом – девятиэтажка – жив наполовину, как обычно в

таких городах и бывает. Большинство жителей уехало, а те, кто остался – перебрались из своих квартир в нижние этажи. Лифт не работает, ходить проще, напора воды тоже до девятого не хватит... хотя что я несу? Какое к чертям в Украине централизованное водоснабжение?!

Успеваю всадить несколько пуль – с неизвестным результатом, потом пулеметчик это просекает и переключает огонь на меня. Я едва уйти успеваю. Прижимаюсь спиной к кирпичной стене, чувствуя, как в нее как будто гвозди забивают. И думаю – вот какого хрена в таком засранном по самые крыши городке строили девятиэтажки. А? Вот зачем? Одно время – я еще маленький был – мы жили в ближайшем городке от места службы отца... средняя полоса России и обычный райцентр. Так вот – я ходил в детский садик, организованный в доме 1900 года постройки. И на весь двадцатитысячный городок советская власть построила всего лишь несколько пятиэтажных хрущоб да квартал трехэтажных. Ага, и ДК еще построила большой – всё! Здесь же на Украине – сраный городишко, и кто-то тут девятиэтажку построил, и вон – школа нового проекта. Зачем? Что мы пытались этим добиться? И что получили в итоге – много ли благодарности?

С..а.

Бум-бум-бум.

Знакомый отбойный молоток тридцатимиллиметровки – я выглядываю и вижу, как позиция противника исчезает в дыме и искрах, сверху сыплются мешки и еще что-то. БТР переносит огонь и начинает работать по другим огневым точкам. Похоже – укры не просекли, что мы отжали их БТР, и подумали, что это им помощь идет.

И обломались...

Спускаюсь вниз – и мы с Крымом бежим, догоняя штурмовиков. Когда выскакиваем – БТР уже не стреляет, рифленый ствол смотрит на девятиэтажку, около машины – группа прикрытия. Автоматы во все стороны.

– Он туда побежал!

– Куда?

– В здание, нах! Первый подъезд.

Ого...

– Блокируем здание. Штурмовые группы, вперед. Брать только живым!

– Чисто!

Штурмовые группы состояли из бывших шахтеров, иногда военнослужащих украинской армии, но после переподготовки могли посоперничать с любым региональным ОМОНОм или РОСНОм. Разница – не было щитов, но тут ничего не поделаешь – с собой щиты на выход не берут. Зато выучка была отличная.

– Право держу!

Пока один стрелок держит двери – второй и третий проходят и берут под контроль лестничную. Дальше – или идет зачистка, или идут дальше. Все по обстановке.

Внизу – запертые двери, а вот вверху – открытые в основном. Выломанные. Из одной – летит граната...

– Граната!

В дверной проем летит «Заря», потом вламываются штурмовики. Обычная квартира времен позднего СССР с узкими коридорами. Один простреливает одиночными – второй идет вперед. При попытке кинуть еще гранату – навеки упокаивается защитник этой квартиры, у него под рукой «Хок» – местный «Вебрь-12».

При проходе на следующий этаж – шквальный огонь, визг пуль – похоже, «Миними». Еще светшумовая – и пока не очухались – внутрь связку гранат. Современная связка гранат делается аж из трех ВОГ-17, переделки идут в Донецке. После подрыва разом трех гранат от АГС пулемет стихает, внутрь пускают на всякий случай несколько автоматных очередей.

– Вперед!

В комнате – гарь, что-то горит. Исхлестанные осколками стены. При зачистке обнаруживается, что потолок пробит, и лестница, приставленная к пролому, ведет прямо наверх, на крышу.

– «Зарю» и вперед!

Вместо одной бросают сразу две – по ушам бьет только так. И тут же выходят. Это один из приемов спецназа – бросаешь «Зарю» и тут же заходишь. Для этого нужны стрелковые наушники, они спасают от контузящего звукового удара. Противника контузило – а тебя нет, и у тебя есть несколько секунд на то, чтобы принимать или стрелять.

На краю крыши – человек в рваных штанах. Стоит спиной к провалу, на краю.

– Стой!

– У меня граната! Назад!

Я остался у бронетранспортера. И многого не видел.

Видел только, как полетела вниз тушка – и на земле уже – грохнул взрыв. Держа под прицелом автоматов место падения – хотя это дурь форменная была – мы приблизились. Кровавое месиво – на месте того, что только что было человеком.

– С..а! – непечатно выразился кто-то.

Мда...

– Я досмотрю, – сказал я.

Встал на колено... низ остался относительно целым – а люди обычно держат нужное в кармане. Сунулся в один – мобила, стекло разбитое – в карман ее, пригодится. В другом кармане – пухлый бумажник, в нем – пачка купюр, по пятьсот евро и по сто долларов, права украинского образца, карточка. Коноваленко Олексий Викторович, подполковник СБУ. Все верно.

Навалилась усталость. Я поднялся, перебрал документы Барсуку. Тот глянул, выматерился последними словами.

– С..а. Жил как пидор и сдох как пидор.

Барсук пошел звонить, я сунул бумажник в карман. На базе поделим...

Вышли штурмовики, я подошел к ним. Они знали, что я – офицер и замкомгруппы, поэтому пока батя звонит – я за него, все верно.

– Как было?

– Да хрен знает что! – выругался старший группы, здоровенный казак – загнали его на крышу, он чумной совсем был. Достал гранату, говорит – щас подорвусь, нахрен! Не подходите! Но чеку не достает, а у нас приказ живым брать. Я ему говорю – отдай гранату и пошли, Христом-Богом клянусь, даже бить не будем. А он совсем отморозился, глаза оловянные. Крикнул «Аллах Акбар» и чеку дернул. Ну, тут у кого-то из наших нервы сдали, он шмальнул в ногу. А тот – назад и вальнул...

– Чего он крикнул?

– Аллах Акбар.

– Вы что там – приняли по дороге? Какой Аллах Акбар, это хохол?!

Казак перекрестился.

– Что было, то было, врать не буду. Вот тебе истинный крест, Аллах Акбар он крикнул. Да и казаки подтвердят, так и было. Все слышали.

– Черт знает что...

Подошел Барсук, морда озабоченная.

– Что? – спросил я.

– Приказано уходить из города. Немедленно.

Выходили из города мы по той же трассе, по которой зашел конвой, – как самой безопасной. Оба БТР были у нас, часть укропов разоружили, часть – завалили.

При выходе – нас остановили водилы с фур. Они нас совершенно не боялись, и у них были на то все основания. По негласной договоренности между группировками водила был лицом неприкосновенным и спроса с него не было. Разборки шли между хозяевами товаров, контрабандных трасс, крышами, силовиками, а водилы были не в счет. Ему сказали куда ехать, он и едет. Водил, которые знали дороги в ДМЗ и готовы были ездить было не так много, потому их берегли.

– Мужики! – спросил, видимо, старший из водил, коренастый хохол как с картинки с «шевченковскими» усами – а нам теперь шо робыть?

Барсук приоткрыл дверцу бронированного «Ивеко».

– Первое – мы не мужики, а казаки. Второе – х... ли ты тут стоишь!? Ехай куда ехал, дорогу освободи – пока беды не огреб.

– Ага, дякую. – Водила побежал к машинам, уяснив, что на груз мы не претендуем.

На выходе из города на трассе стоял блокпост – мы его снесли сосредоточенным огнем двух автоматических пушек и прошли далее. Видимо, и тут не сообразили, что БТРы давно отжали и они уже не украинские. Со связью и взаимодействием тут было хреново. Дальше – уже была ДМЗ. Ничья земля...

Примерно в двадцати километрах – нас ждала группа Бармалея и сам Бармалей. Бармалей – это бывший мент, который воевал на стороне ДНР, потом отказался уходить и сколотил группировку. Занимался он всем – крышевал, продавал, покупал. По негласной договоренности он помогал, чем мог, российской разведке, а мы – помогали, чем могли, ему. Вот, например, мы сейчас два БТР взяли, рабочих. Куда их? Если не последует другой команды – мы их Бармалею отдадим. БТР знаете сколько стоит?

Сам Бармалей стоял у личного «Хаммера», у него была НК416, как у нас – он ее, говорят, у польского спецназовца отжал. Хотя скорее всего на черном рынке купил.

– Как сходили? – спросил он, лыбясь большими зубами. В Зоне у всех были большие зубы – потому что вода плохая.

– Х...о, – коротко сказал Батя, – валим отсюда...

Примерно через полчаса нас догнали...

Видать, в БТРах были какие-то маяки или просто система управления позволяла дать свое местонахождение. Как бы то ни было – два Су-25 «Скорпион» догнали нас, и мы едва успели отреагировать...

Когда тебя догоняют штурмовики – первое, что ты должен сделать, это свалить с брони и залечь в канаве. В ДМЗ это сделать не так-то просто – канава может служить пристанищем для самых омерзительных сюрпризов. Здесь может быть мина или растяжка, может быть булька, в которую ты грохнешься с разгону и она тебя сожрет за несколько секунд, подскочить и вытащить не успеют, здесь может быть озерцо отравленных шахтных вод, лежание в котором может потом обернуться двумя неделями в ростовской больничке, и хорошо если только двумя неделями. Поэтому – в ДМЗ сходить с трассы, пусть и разбитой, но трассы – это чревато, даже если угрожает опасность.

Кто-то заметил заходящие в атаку самолеты, когда они уже увидели нас.

– Е... твою мать, всем с брони, нах!..

Кто-то рядом со мной не забыв шарахнуть прикладом по люку (привет мехводу), ссыпался вниз – и я сиганул следом. Распластался на самом краю дороги и залег...

Тр-р-р-р...

Не знаю, может, у укров бомб нету – но они долбанули по нам из тридцатимиллиметровок. Снаряды вспороли асфальт. Пыль, полетели камни...

Мне прилетело, но как и чем – не знаю. По крайней мере, двигаться я мог. Рядом – прокатилась туша трофейного БТРа, второй – вяло разгорался...

– Слева от дороги!

Ага, саперы наскоро проверили – слева от дороги безопасно.

Самолеты уходили, разбрасывая шары тепловых ловушек, следом – тянула извилистую линию ракета ПЗРК, но было понятно, что нет, не успели...

– Залечь! Пулеметам к бою! Воздушные цели!

Тут бы только – залечь.

– Направление! Сто двадцать!

Заходящих на повторный круг штурмовиков встретили дружным огнем из всего, что было. Один пилот – не выдержал, отвернул, не продолжил заход, второй – снова вспорол асфальт, но без толку.

– Готовность! Направление!

Но самолеты, к нашему удивлению больше не появились...

Мы выбирались из канавы, отряхивались, матерились и считали. У нас есть два трехсотых, а вот Бармалею досталось – двое в БТР сгорели и еще один попал прямо под очередь. Это не считая трехсотых...

Вражий БТР кинули, только какой-то умелец у Бармалея оттуда выломал связь и, как он сказал, – прицельный комплекс. Интересно, правда, что ли?

Еще через полчаса мы лицезрели сбитый какой-то ракетой украинский истребитель, потом – остановились и замаскировались. Не в населенном пункте – а в овраге: хорошая военная наглость. Украинские «глядячи» приспособились к ориентированию по населенным пунктам, а в чистом поле – попробуй, объясни на пальцах, где и что искать. Тем более – там тлеющий террикон рядом был, он паразитную засветку на тепловизоры дает.

Ночью, к нашему удивлению, на эвакуацию вместе с Ми-171 пришла «корова» – МИ-26Т2, самый большой и грузоподъемный вертолет в мире. Не знаю, как они рискнули корову над ДМЗ пускать – но рискнули как-то. Трофейный украинский БТР прицепили на корову на внешнюю подвеску, а Бармалею – взамен выгрузили два бронированных, скрытого бронирования «УАЗа», на каких наш спецназ любит на Кавказе рассекать, два 82-миллиметровых новеньких миномета и ящики с минами, много. Обе стороны расстались довольными друг другом: БТР засчитают как результат и отвезут в Нижний на испытания, а Бармалею надо что-то попроще, что можно обслуживать в обычных мастерских, да и минометы новые не мешают, тем более к ним бесшумные выстрелы есть. В общем – и волки сыты, и овцы целы...

А зайцев здесь давно уж не водится...

Как прошли границу – я тут же вырубился.

Растолкали уже, когда сели – в самом Ростове, точнее, в его пригороде. Чтобы еще хоть немного продержаться – я сожрал банку энергетика. Помогло, но немного. Дошли до машин, тронулись, прямо через Ростов. Город, конечно, красивый, ночью не спящий – витрины, музыка, машин дорогих много. Но мне – пофиг, и где-то на мосту – меня и конкретно уже сморило...

Проснулся я на следующий день. Точнее – вечер.

Отрубился я мощно – но после того, как поспал часов этак ...цать – ощущал себя легким как мотылек, вот-вот и полечу. И в голове – какая-то пустота звенящая, будто был там камень, и вот – его нет.

Я лежал в модуле в одежде. Пока поднимался, пока чесал, простите, пятую точку – зашел Крым. Зевнул.

– Времени сколько? – спросил я.

– Четырнадцать. С лихом.

Вот это я даванул на массу.

– Пожратый?

– Не.

– Иди, там тебе оставили.

Пожратый – то есть сыт ли я. Тут, на юге в ходу самые разные словечки, иногда мне кажется, что их просто придумывают.

– Батя где?

– В Ростове.

То есть ипать нас пока не будут. И то ладно, и то хорошо.

– Ты иди, поешь. И... тебя Синица чего-то звала...

Сердце пропустило очередной удар. Дурак я дурак. Нет бы как все – в Ростове столько доступных девиц... хохлушки, в основном, оттуда. Так нет...

Пошел, покушал. Вкусно. Чтобы вы понимали, есть у нас такой Юра Ташкент. Он русский, но с Ташкента, поэтому умеет готовить как узбек. Когда он к нам пришел, то в качестве «проставиться» приготовил плов, после чего его назначили старшим поваром. Он обиделся и сказал, что не готовить сюда ехал. Тогда ему сказали – не вопрос, братан, учишь поваров готовить, и когда научишь – идешь в поле. Так что – с питанием у нас очень даже о'кей было. А плов – если брать остатки с казана, то они как раз самые вкусные, вкуснее, чем сверху...

Когда мыл руки, уставился на себя в зеркало. В принципе морда лица самая обыкновенная, только глаза нехорошие... я бы сам себе кошелек не доверил, с такими глазами. И не мешало бы подстричься...

Я попытался пригладить волосы – и пара волосков осталась между пальцами. Один из них – был совсем седым...

– Почему не заходите...

Я пожал плечами.

– А смысл?

– У снайперов особая программа... в связи с повышенными психологическими нагрузками...

– Повышенными психологическими нагрузками? – переспросил я.

– А это не так?

– Нет. Если нет другого снайпера.

...

– Снайпер выбирает себе позицию сам – и понятно, что максимально безопасную. Снайпер не ходит в атаки с винтовкой наперевес, снайпер не атакует укрепленные позиции, снайпер работает издалека и наверняка. Снайпер обычно на ты с командиром и плевал на сержанта, потому что опытный снайпер может обеспечить выживание всего подразделения. На самом деле – у снайпера шанс уцелеть намного больше, чем у простого пеха на переднем крае, по которому работают все средства поражения противника...

Я выдохнул и почти без перерыва ляпнул:

– А можно вас в ресторан пригласить...

Ростов-на-Дону
Российская Федерация
25 мая 2021 года

– Сколько тебе лет...

Вопросик, конечно. Вообще-то такие вопросы не только мужчины женщинам задавать не должны – но и женщины мужчинам тоже.

– Двадцать шесть... – сказал я.

Дело было в Ростове и пока что плохо не закончилось... но все могло быть. Я все-таки набрался смелости и пригласил Синичку на Левбердон – левый берег Дона. Почти что курорт для Ростова. Сейчас – мы сидели в армянском кафе, настоящем армянском, и слушали дудукиста. Дудук – это национальный армянский инструмент, его звук протяжен и печален...

Я был в некоем подобии выходной формы – брюках, внешне похожих на гражданские, и польской тактической куртке. Она надела платье и казалась мне самой прекрасной женщиной из всех, кого я знал. Хотя знал я не так и много...

– А мне тридцать четыре, – спокойно ответила она, – и у меня почти взрослая дочь.

– Познакомишь?

Она отрицательно покачала головой.

– Слушай...

Она приложила палец к губам:

– Давай, пока просто музыку послушаем...

И мы – погрузились в мелодию дудука как в прохладную донскую воду. Дудук – пел о бесчисленных страданиях армянского народа, о геноциде и преследованиях, о бойне в Ливане, о всех погибших в Карабахе.

Чаша страданий не испита еще до дна...

В ресторане были люди, но в основном – русские, не армяне, хотя и кухня тут была национальная... просто что-то было тут. Из всех я безошибочно определял беженцев. Печать страданий – ее не смоешь ничем.

А где-то тут живет и бывший президент Украины. Человек, просто бросивший свою страну на произвол судьбы. Интересно, как ему спится по ночам...

– Валя...

Она снова отрицательно покачала головой. Но сказала нечто совершенно противоположное.

– Поехали...

Совсем стемнело...

В затоке шуршал камыш, да доносились пьяные крики с пришвартованной недалеко отсюда яхты. Но мне было на это плевать.

И ей – наверное, тоже.

Я лежал и просто смотрел на звезды. Россыпь жемчуга на черном покрывале ночи.

– У тебя отец генерал – это правда? – негромко спросила она.

– У меня нет отца.

...

– Генерал-майор, – нехотя подтвердил я, – может, уже и генерал-лейтенант.

– Ты ничего ему не докажешь.

– Я и не собираюсь...

– Собираешься. Но поверь, он тебя любит... Любит и любил всегда...

– Хватит про отца, ладно? – излишне резко, наверное, сказал я.

Она завозилась, перевернулась на спину. Холодно... по ночам еще холодно. Но мне и на это было плевать.

– Знаешь, мой отец жил в Красноармейске, – сказала она, – я переехала в Донецк, предлагала и ему, а он не захотел. Потом – когда все это началось, он отказывался уезжать. Когда стало совсем плохо... он поехал.

...

– Бандеровцы остановили его на блокпосту, пьяные. Стали заставлять его кричать «Слава Украине». Он не стал. Потом попробовали заставить его встать на колени. Он не встал. Тогда они его расстреляли.

...

– Мама пережила его меньше чем на полгода. Без него – она не смогла. Наверное, они смотрят на нас оттуда...

Она встала. Я любовался ею при свете звезд. Кожа при этом свете была темно-темно-коричневой...

– Хочешь искупаться?

– Холодно еще.

– А я хочу...

Она пошла к воде. Чертыхаясь, я встал, зацепился ногой за что-то и пока пытался понять, до крови или нет – зазвонил телефон...

Я посмотрел на часы. Час ночи...

***Информация к размышлению
Документ подлинный***

Мы – Украина, должны вернуть статус ядерной державы, дабы иметь беспрекословную возможность защитить себя в будущем от всех, кто посягает на наши земли, суверенитет и несет хоть какую-то угрозу украинскому народу! Мы недостаточно большое государство, чтобы противостоять таким агрессорам, как РФ, – ядерное оружие заставит считаться с нами всех, и это наша единственная защита для предотвращения в будущем подобных ситуаций с какой-либо стороны...

Из пояснительной записки к законопроекту о выходе Украины из режима нераспространения ядерного оружия, внесенного в Верховную раду Украины.

**Париж, Франция
25 мая 2021 года**

*Дорогой, несказанно чудесный,
любимый город, меня подбили
Мне платить по счетам,
по всему мне платить стократ
Вот и лучших на свете друзей
пустые автомобили
У знакомых парадных
как вкопанные стоят...*

Сплин

Помолчим немного

– Ты должен идти, да...

Он ненавидел, когда она так смотрела на него. Она никогда не упрекала его ни в чем – но он-то знал, что она его любит по-настоящему. Любит, даже подозревая, что он не тот, за кого себя выдает.

А он – не может даже сказать, кто он такой на самом деле...

– Я завтра вернусь.

– Точно?

Он сплюнул пену зубной пасты и включил воду.

– Точно. Обещаю.

Она прижалась к нему сзади.

– У нас есть хотя бы десять минут?

– Нет, – он улыбкой смягчил отказ, – извини, Шарлин. Я обещал...

Кожаная куртка, штаны, с виду обычные, и через плечо сумка. В сумке – его оружие, с которым он прошел немало плохих мест: НК МР5К. Этот автомат он оставил себе на память после последнего задания в Бейруте – он чудом сумел уйти живым.

Его звали Ален Феро, хотя это было не его имя. И Министерство обороны Франции это знало, вручая ему паспорт. Его настоящий паспорт вместе с настоящей биографией остался в сейфе Аквариума – Главного разведывательного управления Генерального штаба. Вместе с личным делом, в котором значились служба на Кавказе и штурм Грозного в составе ОМСДОН – отдельной мотострелковой дивизии особого назначения. Во Францию он бежал через Украину с совсем другой биографией и приговором суда – за нанесение тяжких телесных повреждений и сопротивление работникам милиции.

В Министерстве обороны Франции наверняка знали и об этом. Но в Легионе – обламывали и не таких.

В учебной роте Легиона в Кастельнодари он был вынужден скрывать свою отличную физическую форму и навыки выживания в экстремальных условиях Кавказа. Его предупредили, чтобы не выкладывался – Легиону нужны скорее середняки, из которых можно слепить отличных и не рассуждающих много солдат. Наверное, сержант-шеф Дюпре, его первый командир в Легионе, понял, что с новичком что-то не то, но промолчал. В конце концов, служить вместе. Он прошел все испытания, попал в прославленный Второй полк Легиона, а оттуда – в роту специальной разведки. Через пару лет, в Мали, он тащил тяжело раненного шефа Дюпре за валун, в то время как исламские боевики били по ним из КПВТ, установленного в кузове пикапа. Шефа он вытащил, вот только ноги у него не было.

Совсем...

С девяносто первого года – русский язык стал одним из языков Легиона, да так и оставался им до сих пор. По его прикидкам – русский в Легионе понимали до сорока процентов личного состава, а многие из тех, кто пришел в Легион в девяностые, прошедшие Афганистан, Карабах и первую Чечню, сейчас командовали им. С ними Легион воевал по всей Африке, на Ближнем Востоке, в Афганистане. В Нигерии – местные исламисты приговорили всю их роту разведки к смерти и назначили награды за их головы.

Это было забавно.

После первого срока – пять лет – тот, кто отслужил, имел право получить чистый французский паспорт и новое имя без лишних вопросов. Так он стал Аленом Феро – имя ему придумал Легион, выбирать не разрешалось. Феро – означало «сталь». Второй срок он закончил в высоком звании адъютанта, то есть что-то вроде главного сержанта, и ушел на гражданку, сказав, что паспорт у него теперь есть и он собирается устроиться в частную военную компанию и поработать теперь на себя.

Это было ложью.

Вот уже два года отставной адъютант Ален Фери проживал в Париже. Он открыл собственное детективное агентство и брал подряды. Постоянно на него никто не работал, он нанимал людей при необходимости. Судя по тому, что он мог позволить себе дорогущую из-за налогов во Франции «БМВ 550», дела у него шли неплохо...

Сказать, что он шпион, это не соответствовало действительности. Что он мог узнать такого о Франции, что было бы интересно России и что невозможно было бы узнать путем наблюдения со спутников и электронного перехвата? И кто посвятил бы отставного сержанта Легиона в государственные тайны? Да никто. Скорее, адъютант Фери оказывал Франции кое-какие услуги, на которые вряд ли бы кто-то решился.

Он убивал.

За два года он совершил одиннадцать ликвидаций. Причем в большинстве случаев он убирал больше чем одного человека за раз: однажды он убрал восемь человек сразу. Не всегда он убивал во Франции – больше половины ликвидаций он провел в Испании, Германии и Голландии. Цели были одного типа – исламские экстремисты, в основном либо выходцы из России, либо замышляющие что-то против России. Впрочем, одна ликвидация выделялась – та самая, когда он убрал сразу восемь человек. Это были албанские наркоторговцы, они против России ничего не замышляли – он убрал их для того, чтобы подумали на чеченцев. Во вспыхнувшей по всей Европе криминальной войне полегло немало и чеченцев, и аварцев, и узбеков, и албанцев. Даже один вор в законе...

Но вряд ли кто-то стал бы горевать об этих подонках.

Правда, шесть месяцев назад он начал думать о том, чтобы отойти от дел.

Причиной стала Шарлин. Аристократка, наследница большого состояния, она жила то в Париже, то в своем замке. С первым супругом она развелась, потому что тот почему-то открыл в себе нетрадиционную сексуальную ориентацию. С ней он встретился недалеко от места, где он провел очередную ликвидацию: четверо озверевших от наркоты черных отмороzków пытались ограбить даму, а может, в мыслях у них было и нечто худшее. Когда он закончил – один из них лежал, не вставая, и вряд ли он встал позже, когда они ушли. Ему понравилось, как держалась Шарлин – не кричала и не визжала, не падала в обморок и не устраивала истерику. Настоящая аристократка, такое не подделаешь.

Нельзя сказать, что ему от нее нужен был только секс – как и ей от него – но они по негласному соглашению держали определенную дистанцию. Первой их проблемой было то, что он попытался заплатить за нее в ресторане: в Европе принято платить поровну, но он хотел заплатить сам, а она – сама. В конце концов, у нее была недвижимость в Париже, а в гараже замка – «Роллс-Ройс», правда, по Парижу она, как и многие родовитые дворяне, ездила на неприметном «Рено» и очень скромно одевалась. В конце концов, у них возникла традиция – иногда он приглашал ее куда-то, а иногда она его.

Ее квартира была в очень плохом месте. Улица Лористон, недалеко от Булонского леса. Здесь, в годы оккупации, в доме девяносто три квартирвало французское гестапо. В Париже было несколько гестапо, но это было самым жестоким. Возглавлял его тогда инспектор Бонни, до войны – самый известный полицейский Франции. Как потом выяснилось, самое знаменитое убийство, которое он «раскрыл», – убийство следователя по делу Ставиского – он сам и совершил. А во время войны и оккупации он создал и возглавил отделение «французского гестапо» – то есть легализованной немцами преступной группировки, истребляющей евреев и борющейся с подпольем. В этом доме сгинул один из дедов Шарлин, вся вина которого была в том, что он собрал немалую коллекцию произведений искусства. Коллекцию, кстати, так и не нашли...

Так – у него появилось что-то вроде семьи. В современной Европе это тоже считалось семьей – когда супруги не расписываются и живут в разных местах. Ему было в любом случае

плевать, что думают о его отношениях другие люди. Он позволял себе такую степень честности, какую только мог.

Шарлин никогда не предлагала ему выйти в свет, они никогда не ходили в театр или в оперу. Но иногда, в качестве культурной программы, они ехали куда-то за город, в провинцию. И этого им хватало...

Он любил французскую провинцию. И со временем – он все больше стал понимать и любить Францию...

Спустившись вниз, он открыл дверь – и на мгновение замер, слушая звуки улицы и втянув воздух носом как хищный зверь. Запах пота, невымытой бороды, наркотиков, едва слышное шарканье об асфальт, любой металлический звук – все это могло предупредить об опасности. Париж был городом с изнанкой. Днем – это был город любви, туристический рай, по улицам ходили парижане и гости Франции, люди сидели в кафе, кормили голубей, ходили по магазинам, целовались. Но как только ночь черной змеей вползала на эти улицы – Париж преображался. Из всех щелей выползали те, кто составлял его дно. Это были уже не относительно безобидные парижские клошары, вонючие, пахнущие невымытым телом и отвратительным дешевым вином, что-то бормочущие про деньги и при отказе способные лишь плюнуть. Это мигранты... и дети мигрантов во втором, в третьем поколениях... обитатели социального жилья в пригородах, так похожего на многоэтажки Подмосковья. Раньше – в основном это были алжирцы, марокканцы, турки, теперь – сирийцы, афганцы, иракцы, ливийцы. Если еще десять лет назад они просто нападали стаями на зазевавшегося горожанина, чтобы поживиться бумажником, а днем торговали наркотиками или сутенерствовали – то сейчас все было намного хуже. Исламисты, фанатики какого-то «культы смерти», приносящие в жертву людей, просто мстители. За что мстители? А за все. Париж, по его мнению, начал меняться, когда стали поджигать машины. Первые массовые поджоги машин произошли в двенадцатом во время бунта, а теперь это стало нормой. Каждую ночь в Париже поджигали от нескольких десятков до двух-трех сотен машин, и это считалось нормальным. Даже пожарных не вызывали – парижане спокойно шли на работу мимо догорающей у тротуара машины, как будто все было нормально. Страховая компания возместит потери... и жизнь продолжится. А теперь – поговаривали о том, что культ Санта-Муэрте, Святой смерти, извращенный католический ритуал, где вместо Христа – скелет в фате невесты – с торговцами кокаином попал и в Европу и исчезновения людей связаны с ним. Как раз вот на таких вот темных улицах и можно было пропасть, чтобы потом оказаться в неизвестном складе на окраине, повешенным вверх ногами – но не для него. Он мог выхватить автомат из сумки и открыть огонь меньше чем за две секунды. И был подготовлен ничуть не хуже, чем боец GIGN или RAID.

Но стрелять пока было не в кого.

Немного ссутулившись, он шел по ночной парижской улице, держа руку в сумке – и стайка малолетних отморозков, показавшаяся из переулка, шмыгнула обратно, почувствовав, что этот тип им не по зубам.

Автомобиль – универсал с пятилитровым V8 – был на месте...

Последний «Евростар» – скоростной поезд, соединяющий Англию и Францию – прибывает на Гар дю Норд – Северный вокзал Парижа в двадцать три семнадцать по местному времени. Обычно этот поезд идет полупустым, потому что время не очень удобное. Ночью сложно заселиться в отель, да и какой смысл терять половину отельного дня, когда можно прибыть к двенадцати и, заплатив столько же, отправиться гулять по Парижу. Этим рейсом ездят обычно бизнесмены. Но он встречал совсем не бизнесменов.

Прогуливаясь под сводами старинной анфилады Гар дю Норд – кстати, вокзал был очень красивым, а его купол над путями напоминал Киевский вокзал Москвы – он сразу их увидел. Три человека. Одеты как студенты или небогатые путешественники, но держатся вместе, что

является грубым нарушением инструкций. По его прикидкам – они прибыли в Лондон Стенсфилд – малоизвестный аэропорт для малобюджетных компаний, в нескольких десятках миль от Лондона, дешевым рейсом из Испании, взяли трансфер до Лондона, который стоит дороже билета на самолет – и там пересели на «Евростар». В Париже они проведут всего лишь одну ночь и утром он посадит их на первый же Евростар и отправит восвояси. Пока французская полиция будет пытаться понять, что произошло.

– Сэр...

Придурки. У него на плакате было написано «Конструксьон де Лилль» – название несуществующей фирмы. Но вряд ли строительные рабочие будут обращаться «сэр».

– За мной, – буркнул он, убирая плакат...

– Все в норме?

– Да, сэр, – лаконично ответил один из спецназовцев.

– Бросайте это дело, – посоветовал он, – я для вас Первый, вы по номерам. Никто не цеплялся к вам...

Один из спецов хохотнул:

– Один педик...

– Не педик, а лицо нетрадиционной сексуальной ориентации, альт. Вы в Европе. Надеюсь, вы его не убили...

– Нет. Просто пугнули немного...

– Хорошо – в бардачке...

Тот, кто сидел впереди, открыл бардачок и достал небольшой ноутбук.

– Открой и дай мне...

Феро запустил программу, паролем был отпечаток его пальца и несколько цифр...

– Изучайте. По очереди – он привычно правил машиной, продвигавшейся в жидком в это время дня потоке машин – наша главная цель Абу Хасан аль-Дагестани. Аварец, всего тридцать два года, но при этом – за ним участие в сирийском конфликте. Бывший сотрудник дагестанского ОМОНа, старший лейтенант полиции, принял радикальный ислам и выехал на джихад. Считается, что он придерживается умеренных взглядов, но это не так. Некоторые группировки исламистов вынесли ему такфир за жестокость и издевательства над мирными жителями, что подрывало авторитет вооруженной оппозиции. Он перебрался сначала в Турцию, потом во Францию, здесь влился в криминал и преуспел. Под ним – не менее двухсот человек, в основном перебравшиеся сюда совсем недавно беженцы с Ближнего Востока, легальное прикрытие его деятельности – логистическая фирма. Он берется за доставку в дурные районы Парижа, вот почему у него есть заказы. Его нужно ликвидировать в обязательном порядке.

Почему – Феро никогда не задавал таких вопросов. Приказ пришел из Москвы, значит, так надо. Впрочем... ему почему-то никогда не приказывали ликвидировать безобидную старушку. За всеми, за кем он приходил, тянулся долгий и кровавый след. Участие в вооруженных конфликтах на стороне Аль-Каиды или ИГ, наркоторговля, работорговля...

– По нашим данным – этой ночью на логистической базе, принадлежащей Дагестани, намечается шуря ваххабитов со всей Европы. Кто там точно будет, мы не знаем, но вряд ли это люди, которые ни в чем не виновны. Так что любой человек с оружием или с бородой, но без усов – законная цель. Убрав их сейчас – мы избавим себя от больших проблем в будущем...

– Нам не выдали оружие... – подал голос спецназовец с заднего сиденья.

– Вы теперь на нелегалке. Здесь оружие не выдают, – усмехнулся Феро, – оружие покупают. Деньги есть?

– Немного.

– А у меня много. Так что – спрячьте ваши денежки, смотрите пока план района и прикидывайте, что к чему...

Его продавцом был Алекс Симон – то ли русский, то ли еврей, потомок беженцев из коммунистической России прошлого века, парижанин уже в пятом поколении. Он был обычным мафиози – держал кое-какие фирмы, отмывал деньги, возил девочек из Восточной Европы. У него же всегда можно было купить оружие. Любое. Он имел какие-то связи то ли с полицией, то ли с контрразведкой – он не зарывался и помогал, и его не трогали. Фери однажды тоже ему помог, когда на Симона серьезно наехали арабские отморожки. Больше не наезжали. Потому – Симон был ему должен и знал это.

Симон с его людьми ждал их в девятнадцатом округе Парижа, дурном, кстати, с плохой репутацией. Его бронированный «Фольксваген» стоял на обочине дороги, сворачивающей к жилым кварталам постройки семидесятых годов. Неподалеку был Периферик – это примерно то же, что в Москве МКАД, – раньше это была кольцевая дорога Парижа, теперь Париж выплеснулся намного дальше...

– Шолом друг, шолом. – Симон раскинул для объятий руки.

– Шолом. Ты привез?

– Все для старого друга. Это с тобой?

– Да, мои друзья. Показывай. – Фери не любил долгих разговоров, тем более перед делом.

Симон шикарным жестом показал на грузовик, и один из его подручных открыл заднюю дверцу.

– Устроит?

Фери взял из грузовика винтовку, посмотрел. Да... полный фарш. Новая стандартная винтовка армии Франции и Иностранного Легиона. НК416А5, ствол шестнадцать дюймов, глушитель местный, французский, от RDS, подствольный гранатомет, прицел тоже штатный – Aimpoint COMP M4 с трехкратным магнифайером – дорого и качественно, американцы еще старыми пользуются. Лазер и фонарь... короче, полный фарш. Видимо, сперли со складов, военная поставка. Это хорошо.

– Магазины?

– Как ты и просил, по двенадцать. Восемь тридцаток, четыре сороковника.

Винтовки типа M16/M4 имеют немало слабых мест, одно из главных – магазин, от него – большинство malfunctions – отказов оружия. Но это – стандартные НК, полупрозрачные, штатной поставки. С ними не должно быть.

Пистолеты – тоже штат, тоже НК, модель VP9 с глушителями. Они используются и армией Франции, недавно начавшей замену лицензионной «Беретты-92» и в Легионе.

Ко всему к этому – снаряжение от Сруе. Дорогое – но его используют большинство диких гусей по всему миру, и привыкать к нему не приходится. Белорусские очки ночного видения третьего поколения...

– Сколько?

– Двадцать тысяч за все.

Фери удивился – не так дорого по ценам черного рынка за полностью автоматическое армейское оружие и снаряжение. Но – вида не подал, достал пачку купюр и начал отсчитывать. Купюры были по пятьсот евро.

– Порядок? – Он передал Симону деньги.

– Порядок, – Симон понизил голос, – как думаешь, мне стоит в ближайшие дни оставаться в Париже?

– Нет, друг, не стоит.

– Я так и думал, – сказал Симон, – уеду сегодня же.

– Счастливой дороги.

– Где пристрелять можно? – подал голос один из спецназовцев.

– А вон туда стреляйте, – Симон ответил на отличном русском языке, показав на дом метрах в ста от них, – это Понт де Фландр, бывшая железнодорожная станция. Там никто не живет. Наденьте глушители и слышно не будет.

Пока спецназовцы подгоняли снаряжение – Феро подошел к своей машине, открыл тайник, который ему делал один из лучших контрабандистов Франции в Марселе, и достал свое оружие. Он потратил год, чтобы найти именно такое, каким была вооружена рота спецразведки Легиона и к которому он привык. Это была Oberland Arms OA-30 под патрон 300 Whisper, она заменила в роте MP5SD. Что-то вроде «Винтореза» – но в отличие от него эта винтовка стреляла как дозвуковыми, так и сверхзвуковыми пулями, что позволяло использовать ее как основную пехотную. На нее он поставил термооптический прицел Pulsar новосибирского производства. Почему Новосибирск? Потому что это самый дешевый прицел армейского стандарта, при этом качественный – и плевать на санкции. В Легионе много чего не выдавалось, и приходилось покупать за свои. Выжить-то хочется...

Спецназовцы ГРУ привычно собрали оружие, сделали по несколько выстрелов в стену. Спецназ ГРУ ГШ был штатно вооружен НК416 и потому никаких проблем с оружием не возникло...

Феро тоже сделал один выстрел в стену, только чтобы проверить работоспособность винтовки и прицела. Все работало.

– Все о'кей, Симон. Успеха и процветания...

Спецназовцы уже садились в машину. Симон проводил их взглядом, замахал рукой.

– Все, поехали, поехали!

Он знал, что если где-то появляется русский спецназ, то самое время отвалить отсюда и как можно быстрее. Он намеревался ехать в Марсель, а оттуда, если надо, переправиться на Корсику или дальше, в Африку. За ночь можно доехать...

– Вон тот столб. На нем провода и распределительная коробка. Давай...

Один из спецназовцев – Третий – прицелился и сделал два выстрела. Коробка полыхнула искрами, свет дальше по улице, который до этого был «через фонарь», погас совсем.

– Не привлечем внимания?

– Нет. Здесь постоянно что-то ломается...

...

– Все, пошли.

Феро выскочил из машины первым, чувствуя, как внутри закручивается тугая пружина действия. С ним были двое, еще двое – должны были перекрыть два пути отхода, действуя как снайперы. Боевая тройка с ним во главе – шла на штурм...

Зрелище вокруг было страшное...

В свое время этот район был нормальным, пока его не заполнили выходцы с бывших заморских территорий – арабы и негры, в том числе франкоговорящие пье-нуар, черноногие, бывшие граждане Алжира, который считался не заморской территорией, а неотъемлемой частью Франции. Старые, начала века постройки стали рассадниками преступности, в том числе организованной. В нулевых Париж начал комплексную программу redevelopment этого района, начали выкупать, сносить заброшки и строить новое жилье – но все свернулось из-за кризиса. В пятнадцатом году – страну, как и всю Европу, накрыл девятый вал беженцев с Ближнего Востока и Северной Африки: они не собирались ни интегрироваться во французское общество, ни работать – и все, что им было нужно, это пособие по безработице и безнаканность. Тюремь были переполнены, полиция не справлялась с валом насилия. В отличие от предыдущих мигрантских волн, состоявших в основном из социальных паразитов, в этой было немало исламских радикалов. Попадая в мигрантскую среду, они вербовали себе сторонников, сбивались в стаи. Рэкет раньше был просто рэкетом, а теперь стал сбором джизьи и закята, как

предписано в Коране, часть денег шла на поддержку джихада, который вели Аль-Каида и ИГ. Образовывались исламские патрули, на стенах появлялись надписи «здесь действуют законы шариата», в некоторые районы нельзя было зайти даже днем. По данным российской разведки – сегодня должна была состояться сходка ваххабитов, в основном выходцев из России и республик бывшего СССР, на ней должны были быть подняты важные вопросы. Какие – точно было неизвестно, но можно было догадываться. К этому времени русскоязычное сопротивление стало важной частью всеобщего джихада...

Феро взглянул на часы...

– Справа. В машине...

Он плавно вскинул винтовку. В термооптическом прицеле на сером фоне стекол и кузова были отчетливо видны белые головы...

Они? Или не они?

Несмотря на свою профессию, он соблюдал установленные им самим правила. Гибель невиновных была недопустима.

Черт... но и решать времени не было...

Он решил... подвел перекрестье прицела к голове возможного террориста и нажал на спуск. Винтовка дернулась, тяжелая, дозвуковая пуля преодолела двадцать метров и поразила цель. Он перевел винтовку на другую цель и дважды нажал на спуск. Шума было не больше, чем при использовании «Винтореза», который все-таки имеет аналоги в мире и очень неплохие...

И все-таки его не покидало дурное ощущение ошибки... очень плохой ошибки.

– Чисто.

– Чисто.

– Вперед. На ту сторону улицы.

Они перебежали на ту сторону улицы, приблизились к автомобилю. Спецназовцы заняли позицию прикрытия, он сунулся в автомобиль. Убитых было двое, в машине бормотала рация, винтовки НКЗЗ были сложены на заднем сиденье. На убитых были бронежилеты, но они их не спасли.

Его сердце сжалось, по спине потек ледяной пот.

– Это полиция. Уходим в сторону...

На улице показался фургон без опознавательных знаков, он с виду походил на обычный фургон с высокой крышей, но при этом катился совершенно бесшумно, без фар и звука двигателя. Спецназ! Скорее всего в фургоне есть дополнительный электродвигатель, он знал, что такие существуют...

Выхода не было. Он сунулся в карман ближайшего убитого, забрал портмоне, сорвал с шеи удостоверение – парижские флики по-прежнему предпочитали носить его на шее, на цепочке. Отступить некуда, но есть шанс, что в суматохе спецоперации их примут за своих и можно будет уйти. Особенно, если стрелять в нужную сторону...

На крыше здания полыхнула вспышка – и ракета РПГ, оставляя за собой серый, дымный след, полетела к бесшумно катящемуся фургону.

– Снять ракетчика! Огонь на поражение! – крикнул Феро.

– ...нет бога кроме Аллаха, воистину планы шайтана ущербны, его усилия тщетны, религию Аллаха невозможно остановить. Вашими руками, иншалла, мы восстановим Халифат во всем его величии и установим шариат Аллаха по всей Европе...

Почти два десятка человек сидели на ковре в большой комнате недостроенного здания, в которой не было никакой отделки, а оконный проем был заделан толстой пленкой, и с почтением внимали словам коренастого, рыжебородого человека, вещавшего с телевизора. Телевизор был установлен на подставке у стены, рыжебородому было лет сорок, он сидел на фоне

черного флага с необычной, выписанной в виде круга шахадой. Фоном также служили прислоненный к стене пулемет ПК и заряженный гранатомет РПГ-7.

– Долгие годы мы терпели мучения и унижения от кяфиров, но сохраняли в чистоте свой иман и делали все положенные верующему ибадаты. Аллах услышал наши молитвы, вознаградил наш амалият и послал в наши руки самое страшное оружие из всего, которое было изобретено кяфирами. Теперь оно в наших руках, братья. С этим оружием, иншалла, мы непобедимы, мы устрасим кяфиров и будем воевать, пока весь мир не покорится и не признает, что нет бога, кроме Аллаха...

И тут погасло освещение...

– А шайтан... – приглушенно выругался хозяин этого места – пусть эти электрики будут унижены! Где генератор! О Аллах, где генератор!

Кто-то включил подсветку на телефоне, чтобы получить хоть какой-то свет. В Европе ваххабиты еще были непугаными и у кого-то были сотовые. Может, и без симки, кстати...

– О Аллах, что делать...

– Что делать... утра ждать. Или чинить.

– Тут часто бывает...

– Надо костер сделать.

– Шейх сказал правду? Это действительно у нас?

– Шейх никогда не врет, а в твоих словах – я слышу маловерие.

– Брат, тогда мы непобедимы.

– Наша непобедимость заключается в нашей вере в Аллах Всевышнего, а не в...

На улице приглушенно грохнул взрыв.

– Это еще что...

Кто-то ворвался в комнату с фонарем.

– Жандармы на улице!

Застрочил пулемет.

– Пулемет на час! Пулемет!

Один из спецназовцев зарядил подствольный гранатомет и выстрелил. Впереди полыхнула неяркая вспышка, пулемет заткнулся.

– Контакт погашен!

– Перебежками вперед!

– Справа! На час!

Еще один выстрел из подствольника.

Это было недостроенное здание. Оно планировалось в двадцать пять этажей, с подземной стоянкой и должно было стать центром деловой жизни в этом районе. Но вместо двадцати пяти этажей построили фундамент, подземную стоянку и только шесть этажей, а потом строительство остановили из-за кризиса. В результате – недостроенное здание вместо того, чтобы привлечь в район бизнес, создать рабочие места и способствовать общему оздоровлению обстановки, было частично достроено «своими руками» и превратилось в рассадник криминала.

Они первыми прорвались к самому зданию, под пулеметный огонь. Сзади разворачивался спецназ французской полиции, но они не использовали подствольные гранатометы и потому не могли подавить огневые точки. Никто не задавал им никаких вопросов – тем, кто стреляет в ту же сторону, что и ты, вопросов не задают...

За спинами тоже открыли огонь, судя по звуку – из мощных НК417.

– Вперед! Вперед!

Бетонный парапет уводил резко вниз и вбок, он был построен так, что его бетонное ограждение по мере спуска могло стать неплохим укрытием от огня. Он вел на подземную стоянку, спецназовцы во главе с Феро проскочили опасный участок и оказались в мертвой зоне.

Наверху исламисты били из автоматов АК и пулеметов по подступающим отрядам жандармов, и все это происходило в Париже, в двадцать первом веке...

– Пошел! Пошел!

На парапет выскочил небольшой «Рено Клио», это было неожиданностью и для водителя «Рено» и для них – но спецназовцы отлично умеют реагировать на неожиданности, и они открыли огонь, целясь по водителю. Под градом пуль машина остановилась, Феро отметил, что она чем-то загружена, сидит низко.

– Прикрой!

Он сунулся к машине, сменив оружие на пистолет, осветил фонарем – дыхание перехватило от ужаса. Окровавленный, изорванный пулями водитель, в свете фонаря – на пассажирском сиденье огромный аккумулятор от грузовика, провода, идущие куда-то назад, в багажник.

Машина – бомба! Они послали смертника, чтобы тот подорвался на улице и пробил коридор для отступления!

Это было опасно, по правилам надо было дожидаться саперной команды – но бомба могла рвануть в любой момент. Он просунул руку внутрь, задержал дыхание – и сильным рывком вырвал провода.

Машина не взорвалась. Наверху сопротивление стихало, скорее всего снайперы жандармерии уже выбили большую часть стрелков.

– Вперед!

Они прошли угол и открыли огонь – по ним из темноты открыли огонь из Калашниковых, сразу с нескольких точек.

– Огонь на поражение!

Сам Феро спрятался за бетонную колонну за секунду до того, как по ней ударила автоматная очередь. Перезарядил, пришел на колени, красиво снял палящего из Калашникова боевика – тот был отлично виден в термооптическом прицеле. Покатился по полу... с грохотом взорвалась какая-то машина. Он отметил, что машин много, десятка два, и в основном приличные, дорогие...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.